

● Творческий портрет

ЕГО КРЕДО

— Корабль, ты куда плывешь?

Старший сын оглядывается. Он ушел далеко вперед, смело форсирует глубокую лужу, видя, что отец занят с двухгодовалым братишкой.

— Корабли! — вторит отцу малыш и звонко смеется.

Они идут из детского сада. Только прошел дождь, выглянуло солнце, в тихом проулке текут ручьи. И раздается песня. «Е-е!» — нарочито басит отец. «Е-е-е!» — тонко подпевает сынишка, норовя мимоходом забрести в лужу.

— Сапоги сам будешь мыть, согласен? — говорит ему отец, Карапуз кивает. — Я тебя понимаю: на то они и вездеходы, чтобы по лужам ходить... Корабль, стоп! Сейчас нам через дорогу.

Они втроем стоят у перехода, пережидая, когда схлынет поток машин. А я с интересом наблюдаю за Михаилом Асафовым в незнакомой для меня роли.

— В детях заново открываю для себя детство, как бы смотрю на себя со стороны прожитых лет. Поймешь себя в жизни, поймешь и в искусстве, — говорит М. В. Асафов, актер Владимирского областного драматического театра имени Луначарского. И эта фраза выдает нравственное кредо артиста, хорошо известного владимирским театральным кругом. Через ее призму взглянем на его творческое становление.

...Стучат каблучки по асфальту. Миша поднимает голову. И замирает сладостно сердце. Это — она. Та, кого любишь впервые в жизни.

— Ты куда такая наряженная? — осмеливается ее спросить.

— С мамой в театр! — падает, как милостыня, ответ.

— И мы туда идем, — краснеет Миша. Соврал.

— В Моссовета? — недоверчиво вглядывается в него девочка.

Он стоит в песочнице, руки и голые коленки выпачканы, на нем шорты. Папан — да и только.

Одноклассница горделиво уходит. Не поверила. Миша срысывается с места, бежит домой. Мать изумленно смотрит, как сын вытряхивает из копилки мелочь, носится по квартире, переодевается в школьную форму. И уже в дверях кричит: «Я — в театр!»

Это было то время, когда на вечерний спектакль в московских театрах можно было попасть в тот же день, когда купишь билеты. Даже на «Ярмарку тщеславия» Теккерея. Стоит ли удивляться тому, что Миша в этот вечер сидел в партере и почти не сводил глаз со своей

«дамы сердца», которую с трудом отыскал в окружающей публике. Но удивительное дело — игра актеров постепенно захватила его. И когда спектакль кончился, Миша совершенно забыл про ту, ради которой спешил в

театр. Потрясенный, он возвращался домой. Потрясенный красотой...

Как знать, может, именно тогда он выбрал путь, по которому идет сегодня, оттачивая свои способности. А главная среди них — остро сопереживать другим.

...С его школьным другом произошел казус, который мог обернуться трагедией. За шалость его решили исключить из школы. Проказлив он был, как и большинство его сверстников, но чаще других досаждал учителям каверзными вопросами. Михаил пришел на педсовет и срывающимся голосом выложил все, что думал об этой истории.

— Вы просто хотите избавиться от «неудобного» ученика! — заявил он...

Потрясение красотой и жажда справедливости... В ком из нас — когда-то юных максималистах — этот сплав сильнейших чувств не облагораживал душу?.. Было такое, было. Да потом этот сплав тускнел в торопливых буднях житейских и порою остывал. А как он нужен человеку, особенно артисту.

Актер театра... Он воплощает на сцене и добро и зло, но всегда зовет к добру. Таким видится и Михаил Асафов.

Вот его Винченцио из «Меры за меру» Шекспира. В канве сюжета он — дальновидный монарх. Уступает на время бразды правления молодому наместнику, якобы уезжая по делам, чтобы его руками восстановить силу пошатнувшейся в государстве абсолютистской власти и заодно избежать непременной хулы своего народа, вкусившего вольностей. Сам же под личиной монаха наблю-

дает за действиями временщика. Отобрать полномочия явится тогда, когда наместник Анджело совершит гнуснейший произвол, за что и будет предан герцогом Винченцио всеобщему позору.

Так завершается пьеса. Но конфликт не разрешен. Ведь он лежит гораздо глубже, чем подсказывает сюжет. Игра Асафова расставляет другие акценты. Коварство и ханжество, трусость и малодушие — вот те пороки, которые актер осязаемо передает. И потому не веришь бравурному апофеозу якобы справедливости в финале. Тем более, что Винченцио в последний миг, когда уже навсегда уйдет из действия, переживает искреннее смутение. А оно возвращает мысль зрителя к исповеди герцога в монастыре, которой начиналась мистерия. И цель достигнута — мы задумываемся о мере вещей, созерцаемых только совестью.

Такого же эффекта Асафов пытается достичь в пьесе «Иванов» Чехова. Но уже в другом диапазоне нравственных эмоций. Отращивание к жизни и горький стыд были на актерской палитре. Он крупными мазками писал образ человека, медленно агонизирующего к злобной радости тех, кому он был неугоден. Даже был славой деятельного человека.

И все же было бы сомнительной услугой Михаилу Асафову приписывать ему зенит творческих сил. Он и сам, правда, считает, что все еще впереди, как и двенадцать лет назад.

Тогда он только закончил школу-студию при МХАТе. Работал в труппе театра имени Советской Армии. Участвовал лишь в массовках, самостоятельных ролей еще долго не предвиделось. Михаил не унывал, но, понятно, поводов для особой радости не было. А испытать себя ему хотелось безумно. В тот момент один телефонный звонок возвестил... Но не будем опережать события.

— Миша, привет! — раздался тогда в трубке женский голос. Это была подруга старшей сестры, новоиспеченный театальный режиссер. Она хорошо знала и Михаила, когда-то вслед за сестрой пришедшего заниматься в любительскую театральную студию на шоссе Энтузиастов. — Хочешь сыграть Треплева? — спросила без обиняков.

У него внезапно пересохло в горле. Хотел ли он сыграть Треплева? После дипломного спектакля на сцене «Современника», где в пьесе «Стекланный зверинец»

Уильямса ему удалась роль Тома Уинфилда, одинокого романтика среди прагматичных людей, Михаил не оставлял надежды получить сложную роль человека, стоящего перед проблемой нравственного выбора. И вот «Чайка»... Треплев.

— В Ивановском драматре есть вакансия. Посылай! — благословила его доброжелательница.

Не колеблясь, распрощавшись с Москвой. В Иванове его встретили дружелюбно, на роль взяли, и он остался. Коллектив понравился, работалось легко, с главным режиссером — полное взаимопонимание. Пошел за ним, когда главрежа перевели во Владимир. В творческом багаже Асафова к тому времени было много заметных ролей из пьес советских и зарубежных авторов. Было и особое признание: за работу над образом Фрунзе («Пять песен о первом Совете») актера удостоили премии Ивановского обкома комсомола.

Сейчас, приезжая в Москву, иногда встречает однокашников по мхатовской студии. «Когда вернешься в столицу?» — обязательно спросит его кто-нибудь. И — удивляются ответу. Что ж, порой и не верит в возможности провинциальной сцены: потолок, дескать, низок, быстро надоесть публике.

— А она к нам, бывает, и не идет! — горячился в разговоре со мной Михаил. — Но почему? Играем плохо? Так ведь, чтобы играть лучше, нам нужна реакция зала. Есть она — корректируем свои промахи. А при пустых креслах? Ведь театр — это не только актеры. Без зрителя нет спектакля. Он создается сообща.

Нет, не в прямом смысле говорил Михаил Асафов о пустоте в зале. На гастролях этим летом спектакли владимирцев шли, так сказать, при полном аншлаге — на подступах к театрам выстраивали «лишний билетик». Газеты тех мест публиковали лестные отзывы. Не говоря уже про родной город. Но речь идет о другом. О том зрителе, что жаждет лишь приятного и легкого, как десерт к вечерней трапезе, зрелища и зевает при «мудреных» монологах чеховского Иванова или шекспировского Гамлета. Этот парадокс поглощает думы и чувства любого настоящего артиста. В театр мы должны вступать словно на палубу корабля, чей путь всегда лежит в непознанное. И не пассажирами, а членами экипажа.

С. МАКУШИНСКИЙ.

НА СНИМКЕ: актер Владимирского областного драматического театра имени Луначарского М. В. Асафов.

Фото Р. Новикова.